

Тамара АРБАТСКАЯ

с. Казанцево, Шушенский район

Литературной деятельностью начала заниматься с 1977 года, когда в районной газете «Даурская новь» был напечатан рассказ «Дела давно минувших дней» — о двадцатых годах прошлого столетия. Печаталась в районных и областных газетах Забайкалья. С 2014 года живёт в Красноярском крае. С 2017 года по июль 2020 года возглавляла Шушенское литературное отделение «Вдохновение». Печаталась в альманахах и сборниках «Сибирская лира», «Стрежень на

Енисее», «Краски души», «Литература Сибири», Новый Енисейский литератор», в интернет-газете «Российский писатель», в историко-литературном журнале «Годы и люди», в районной газете «Ленинская искра», в краевых газетах «Красноярская газета» (2022 – 2023), «Красноярский рабочий» (2023). Лауреат конкурса короткого рассказа в «НЕЛ» за 2020 год, дипломант конкурса короткого рассказа в «НЕЛ» за 2022 год.

КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Лейтенант Кузнецов смотрел в стереотрубу на позиции немцев. Было видно, как, пригибаясь, они бежали по траншеям, изредка строчил пулемёт, и опять всё замолкало. Кузнецов вздохнул и, слегка поёживаясь от утреннего холодка, взглянул на серое, в разорванных облаках, небо. «Похоже, дождик скоро пойдёт», — подумал он, привычно отмечая и эту деталь. Его взвод перевели на позиции два дня назад и приказали окопаться. Насторожило то, что за холмом слышался рёв танковых моторов.

«Наступать немцы здесь собираются, что ли? Поживём — увидим. Позвонить комбату придётся, мало ли что». Комбат ответил ему: когда время придёт, ему сообщат всё, что необходимо.

— Пойду посмотрю, чем в отделениях занимаются, — сказал он постовому, торопливо натянув каску на голову, и, слегка пригнувшись, побежал по траншее.

В землянке первого отделения царил деловая обстановка: кто чистил оружие, некоторые писали письма, а рядовой Иван Мальцев, сидя на табуретке, наигрывал на гармошке мелодию. Никто из бойцов не заметил, как он вошёл, лишь рядовой Дутов, увидев командира, вскочил. Кузнецов махнул рукой: «Сиди, чего уж там».

Иван тихонько напевал:

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Вспомнился родной дом, тополя под окнами в его далёком отсюда алтайском селе, стоящем около своенравной реки Катунь. Вспомнил мать и отца, русоволосую жёнку Настеньку. Кузнецову показалось, будто Настя появилась на закопчённой стене землянки и тихонечко прошептала: «Жду тебя, родной мой». Защемило в груди. Закурив, тихонько вышел на улицу. Над головой с противным визгом пролетела мина и разорвалась чуть дальше.

— Товарищ лейтенант, немцы! — тяжело дыша, закричал, подбегая, рядовой Веретельников.

Кузнецов, нахмуясь, посмотрел на позиции немцев. Было видно, как немецкие танки появились на пригорке, изрыгая из стволов смертельный огонь. Артиллеристы торопливо зарядили орудия и терпеливо поджидали, когда танки подойдут поближе, чтобы стрелять более точно. Несколько танков выехали из лощины.

— Первое, второе отделения, орудия — огонь!!! — закричал лейтенант хриплым, срывающимся голосом и с удовлетворением увидел, что один из танков, объятый пламенем, остановился.

Из люка начали выбираться танкисты, которые, спрятавшись в воронке, открыли стрельбу по нашим позициям. Но вскоре, после удачной работы артиллеристов, замолчали навсегда. Атака была отбита, фашистские танки повернули назад. Но кто знает, надолго ли. «Передать необходимо в штаб, что у нас на участке немцы предприняли атаку». Радист быстро соединил его с комбатом.

— Кузнецов, докладывай, что у вас творится.

Взводный торопливо доложил обстановку.

— В шестом и пятом взводе то же самое. К вам подойдёт подкрепление, но не раньше, чем через два часа, так что держитесь и постарайтесь не пропустить танки.

— Слушаюсь, товарищ комбат!

В траншее он увидел, как в первом отделении в расположение расчёта Казаряна попал снаряд, пушку разорвало, погибли все, кто был возле. Лейтенант ожесточённо стрелял по бегущим фашистам, стиснув зубы, вкладывая всю свою злость в автоматные очереди. Через ров спрыгнул в траншею комбат.

— Товарищ лейтенант, пройдёмте, посмотрим, что у вас на участке делается.

Пригибаясь, по ходу сообщения они побежали к отделениям, пушки которых прицельно били в танки.

— Сержант Мальцев, доложите обстановку!

Сержант сумрачно посмотрел в сторону:

— Товарищ майор, нами отбито четыре атаки, три танка подбито.

— Молодцы! Буду ходатайствовать о представлении вас к награде.

— Служу Советскому Союзу!

В первом отделении они подошли к пушке, исковерканной взрывом.

— Товарищ майор, раненые отправлены в медсанчасть, погибли сержант Казарян, рядовой Игнатов и рядовой Сваниташвили.

— Всех представить к награде, товарищ лейтенант.

— Слушаюсь!

Смерть, которая каждый день подстерегает, поэтому становишься равнодушным к ней, как к вредной привычке, будешь жив или нет, всё равно вновь и вновь потрясает, задевает сердце, оставляя в нём невидимые ссадины. Было жалко молоденького Николая Игнатова, который лежал, присыпанный землёй, с вытянутыми руками, как будто собирался бросить гранату и не смог, не успел. Рядом с ним — окровавленные Казарян и Сваниташвили.

— Мы отомстим за вас, товарищи, за вашу смерть!

Погибших бережно положили в укрытие, накрыли плащ-палаткой и разбежались к своим расчётам — немцы

начали новую атаку. Майор Алексин считал танки, которые шли на взвод.

— Нелёгкая задача. Сейчас я отправлю сообщение в штаб, чтобы помогли вам и поддали огоньку по фрицам. Вам всё понятно?

— Да, стоять насмерть — и ни шагу назад.

— Ждите подкрепления.

Комбат со своими сопровождающими ушли в штаб. Бой продолжался. Кузнецов встал к орудию, где только что погиб наводчик, и стрелял, стрелял. Дымились подбитые танки, падали скошенные пулями люди. Наконец танки противника повернули обратно. лейтенант отправил рядовых Гантимурова и Сизых за снарядами, а сам присел, вытирая пот с лица, на поваленную берёзу. В воздухе витал запах стреляной гильзы, дыма, но рядом журчал ласково и звонко ручей, напоминая о другой, мирной жизни. Ветер шумел в верхушках деревьев, высоко в небе гудели самолёты. лейтенант смотрел на ручеёк и думал о том, как мало человеку надо для счастья, пусть и минутного: прошёл бой — и он жив, и слушает фронтовую тишину.

«Сизых с Гантимуровым долго не идут, — забеспокоился он. — Пойду я». Накрапывал мелкий осенний дождь. Кузнецов быстро шёл по траншее, когда сзади послышался свист снаряда. Земля закачалась перед глазами, ему показалось, что он упал в глубокую, бездонную чёрную яму. Очнувшись, увидел, что Гантимуров и Сизых стоят над ним.

— Мы идём, видим — человек землёй завален, одна спина видна, давай откапывать.

— Спасибо, ребята, — только и смог сказать Кузнецов, чувствуя во всём теле ноющую боль, а затем направился в землянку, чтобы сообщить о положении дел во взводе.

Он ещё не знал, что через несколько дней, в глухую осеннюю октябрьскую ночь, его взвод со всей армией пойдёт в наступление и Смоленск будет освобождён.

День заканчивался, солнце клонилось к закату, горели ярко-красным светом облака, как будто напоённые кровью, обещая на следующий день ясную погоду, и им, небесным странникам-облакам, никакого дела не было до того, что творилось на земле.